

В декабрь тридцать первого числа тысяча восемьсот второго года господствует лютая, обжигающая холодом, непокорно-властная зима. Александр Павлович, стоя у окна своего небольшого двухэтажного поместья, держа у губ курительную трубку, не сводит глаз с бушующей вьюги — её неугомонность, в сравнении с некоторым прошлым обстоятельством, позволяет ему на краткий миг вспомнить детский горячо любимый, но недостижимый более момент.

...а то была забава: поднимающаяся величественно вверх небольшая снежная горка, становилась местом для удержания своей «короны». Детьми они ещё мечтали стать влиятельными людьми, в частности Императорами Российской империи, и хоть понимали, что данное желание недостижимо, они всё равно продолжали фантазировать — им было весело, законом не возбраняется, так почему бы не удержать до шести часов, пока родители не позвали домой, звание — Император горы? Ведь тогда, если ты побеждал всех врагов, эти нескончаемые набеги, в глазах других ты виделся не просто каким-то Алешкой, с шапкой набекрень, при сильном ветре и резком движении, падающей на землю, выпуская из плена светлые волосы, а всея Императором Александром, непобедимым властелином. Почёт, уважение, хлопанье, поздравление — лишь малая часть триумфа, позволяющая эндорфинам в вальсе кружиться, даруя веселье, подъём и некоторую гордость за то, что ты смог сделать сегодня то, что не смогли другие.

Да вот только — это ведь ещё надо суметь воплотить! Желание желанием, а реальность такова: сильные вытесняют слабых. Что может сделать хиленький бледнолицый восьмилетний парнишка против закалённого шестнадцатилетнего бугая, одной левой сталкивающий троих-четверых детей?.. Ситуация кажется неизменной, и уже понятно, кто будет править оставшиеся полчаса, но не всегда сила — залог успеха, хитрость (смекалка) — вот, что позволяет сворачивать вершины. И благо Алёшка, успевший не раз побывать в снегу, с некоторой в дальнейшей ленью, лёжа на спине, смотря на темнеющее небо, слыша краем уха разочарованные крики и возгласы, вспомнил совет матушки (сидя на диване она спицами вязала шарф, поглядывая иногда на бедственное положение сына — он ну никак не мог достать до верхней полки книжного шкафа, всё прыгал и прыгал, и казалось, что вот она, книга, сейчас будет в его руках, а нет, снова промах). «Многое порой кажется настолько достижимым, что пару таких же усилий, без каких-либо изменений, и успех гарантирован. Не всё так просто. Если ты хочешь достать книгу, а она ни в какую, то почему бы не найти способ, что поможет тебе как-то, например, сократить расстояние между вами?».

Действительно, каждый из присутствующих были теми «Алёшками», — всё пытались и пытались, но итог был один — нынешний Император, в уходящие минуты, был не сломен.

Поднявшись, он посмотрел на ситуацию новым взглядом и понял, где кроется всему ошибка — все атаки идут в тыл и вразнобой. Они с отчаяньем бросались и с таким же отчаяньем возвращались на прежние позиции, а неглупый подросток всё это видел и давно разработал стратегию. Так что же делать? А надо идти ва-банк, либо всё, либо ничего; хоть путь с другой стороны горы был намного сложнее — слишком скользко и не за что было ухватиться — Император не мог знать, что кому-то вздумается пойти на такой безрассудный, в некоторой степени, шаг.

Сначала Алёшка сделал так, чтобы другие ребята потеряли его из виду (было бы плохо, если бы кто-то увидел его подступы и решил из любопытства последовать за ним). Оказавшись на достаточном расстоянии, быстро перебежал открытую местность, прячась за то, что могло его скрыть: снеговики, голые деревья, разбитые снежные крепости... Шаг за шагом, медленно, но верно достиг первого этапа. Второй же — сложнее. Как же взобраться и, главное, не скатиться вниз? К сожалению, сколь бы он не смотрел на поднимающуюся плавную ледяную стену без каких-либо огрехов, придумать что-то полезное не мог, — разочарованный вздох самопроизвольно вырвался; собравшись покончить с этой затеей и признать поражение, сделав несколько шагов вперёд, чтобы обогнуть гору, уловил глазами правую боковую сторону, к которой прилегла большая куча снега, позволяющая сократить расстояние и дотянуться до выступа, залезая на который, поднявшись в полный рост, можно с легкостью вступить на «основную территорию» (оказавшись в нескольких несущественных сантиметрах за спиной подростка).

Так вот же оно! Всплеснув радостно руками он, что было мочи, быстрыми рывками начал осуществлять задуманное. С успехом пройдя второй этап на пути к его цели оставался только триумфальный последний, финальный. Либо сейчас он займёт его место, либо печальный финал. Сглотнув, он всё же усмирил свой порыв ринуться и столкнуть держателя горы, ведь это могло привести к неминуемому падению самого Алёшки. Тут нужна тактика, и лучший способ — контрудар.

Выждав, пока один из парнишек начнёт борьбу, не приносящую никаких результатов — в мгновение ока, когда «Император» отвлечён нападавшим, выставляет руки вперёд и, вложив всю силу, с вырвавшимся нечленораздельным криком, сталкивает двоих с горки, тяжело дыша.

А внизу вдруг гам сменился на тишину, — мальчишки, с непониманием подняли головы вверх и, будто «почемучки», пытались найти ответ на вопрос — почему так произошло? Откуда вообще мог взяться этот непутёвый Алёшка? А тот и счастлив, ведь он смог это сделать — стоя над ними, гордость взяла верх, небывалые чувства переполнили его тело: энергия, второе дыхание, счастье, — круговорот всего, и бушуете, и поёт.

— Молодец! Молодец! — начали кричать все неудавшиеся «Императоры», хлопая и свистя.

Вот оно, малый предел желаний, когда ты, ведомый только одной целью; на пути, видя препятствие, борясь за неё с другими, делаешь всё возможное, чтобы стоять тут и сейчас и чувствовать неописуемый шквал эмоций...

Но тяжелый, с примесью обречённости, вздох наполняет всё пространство комнаты, и тоска закладывается в сердце уже немолодого Александра Павловича, провожающего глазами непокорную вьюгу.

— Дорогой, уже поздно, — раздаётся сонный голос его жены, — пошли спать. — Мужчина, не став отнекиваться, кладёт трубку на рядом стоящий небольшой столик и, молча, следует за женой, поднимаясь по высокой лестнице. Чем ближе он к цели — тем сильнее нарастает грусть, и как только голова касается подушки — всё забывается.

А завтра новый день, рутина, где есть место только для возможного заработка, и нет «глупым» мечтам и целям.